

IV. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» (1934 — 1939)

1. «Новый курс» советской дипломатии

Ухудшение советско-германских отношений в течение лета 1933 г. стало первым признаком изменения внешнеполитических ориентиров советского руководства. В июне СССР заявил Германии о том, что продолжавшееся десять лет военное сотрудничество двух стран с сентября будет прекращено. Таким образом, были похоронены и «дух Рапалло», и надежды на широкомасштабное совместное советско-германское экономическое развитие, основанное на соединении огромных ресурсов рабочей силы и сырья в Советском Союзе, с одной стороны, и передовой германской технологии — с другой.

Тем не менее изменение отношения к фашизму шло медленно. Слишком быстрый пересмотр его мог бы внести еще большее смятение в ряды Коминтерна, который и без того будоражили участвовавшие призывы Троцкого к образованию единых фронтов социалистов и коммунистов и к осуждению «преступной» политики, проводившейся с 1928 г. Сталиным и Коминтерном в отношении фашизма и приведшей к разгрому и запрещению компартии Германии.

На прошедшем в январе 1934 г. XVII съезде ВКП(б) Бухарин посвятил большую часть своего выступления разъяснению того, что идеология фашизма, этого «звериного лица классового врага», изложенная Гитлером в его книге «Майн кампф», требует серьезного отношения, что гитлеровская идея захватить «жизненное пространство на Востоке» означает открытый призыв к уничтожению Советского Союза. В отличие от Бухарина Сталин продемонстрировал достаточно спокойное отношение к приходу Гитлера к власти. Он подчеркнул, что, поскольку в Германии еще отнюдь не победи-

ла новая политическая линия, «напоминающая в основном политику бывшего германского кайзера», у СССР нет никаких оснований коренным образом изменять отношения с Германией. «Конечно, — заявил Сталин, — мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

29 декабря 1933 г. в речи на IV сессии ЦИК СССР Литвинов изложил новые направления советской внешней политики на ближайшие годы. Суть их заключалась в следующем:

— ненападение и соблюдение нейтралитета в любом конфликте. Для Советского Союза 1933 г., надломленного страшным голодом, пассивным сопротивлением десятков миллионов крестьян (призывной контингент в случае войны), чистками партии, перспектива оказаться втянутым в войну означала бы, как дал понять Литвинов, подлинную катастрофу;

— политика умиротворения в отношении Германии и Японии, несмотря на агрессивный и антисоветский курс их внешней политики в предшествующие годы. Эту политику следовало проводить до тех пор, пока она не превратилась бы в доказательство слабости; в любом случае государственные интересы должны были превалировать над идеологической солидарностью: «Мы, конечно, имеем свое мнение о германском режиме, мы, конечно, чувствительны к страданиям наших германских товарищей, но меньше всего можно нас, марксистов, упрекать в том, что мы позволяем чувству господствовать над нашей политикой»;

— свободное от иллюзий участие в усилиях по созданию системы коллективной безопасности с надеждой на то, что Лига Наций «сможет более эффективно, чем в предыдущие годы, играть свою роль в предотвращении либо локализации конфликтов»;

— открытость в отношении западных демократий — также без особых иллюзий, учитывая то, что в этих странах, ввиду частой смены правительств, отсутствует какая-либо преемственность в сфере внешней политики; к тому же наличие сильных пацифистских и пораженческих течений, отражавших недоверие трудящихся этих стран правящим классам и политикам, было чревато тем, что эти страны могли «пожертвовать своими национальными интересами в угоду частным интересам господствующих классов».

За два года (конец 1933 — начало 1936 г.) «новый курс» позволил советской внешней политике добиться некоторых успехов. В ноябре 1933 г. состоялся визит Литвинова в Вашингтон, где его переговоры с Ф.Рузвельтом и К.Уэллсом завершились признанием Советского Союза Соединенными Штатами и установлением между двумя странами дипломатических отношений. В июне 1934 г. Советский Союз признали Чехословакия и Румыния. В сентябре СССР был принят (тридцатью девятью голосами против трех при семи воздержавшихся) в Лигу Наций и сразу же стал постоянным членом ее Совета, что означало его формальное возвращение в качестве великой державы в международное сообщество, из которого он был исключен шестнадцатью годами раньше. Принципиально важно, что СССР возвращался в Лигу Наций на своих собственных условиях: все споры, и прежде всего по поводу долгов царского правительства, были решены в его пользу.

Заключенный 26 января 1934 г. договор Германии с Польшей был расценен советским руководством как серьезный удар по всему предыдущему сотрудничеству Советского Союза с Германией. Становилось все более очевидно, что антибольшевизм Гитлера был не только фактором идеологии и пропаганды, но и действительно составлял основу его внешней политики. Перед лицом германской угрозы советские руководители благосклонно отнеслись к предложениям, сформулированным в конце мая 1934 г. министром иностранных дел Франции Луи Барту. Первое из них предусматривало настоящее «восточное Локарно», объединившее бы в многостороннем пакте о взаимном ненападении все государства Восточной Европы, включая Германию и СССР; второе состояло в заключении договора о взаимопомощи между Францией и Советским Союзом. Первому, чересчур смелому проекту суждено было уйти в небытие со смертью его главного автора, убитого вместе с королем Югославии Алек-

сандом хорватскими террористами 9 октября 1934 г. в Марселе. Что же касается второго проекта, уже в значительной степени подготовленного, то он получил поддержку Лаваль и, несмотря на сдержанное отношение к нему части французских политиков, был завершен подписанием 2 мая 1935 г. в Париже франко-советского договора о взаимопомощи в случае любой агрессии в Европе. Принятые сторонами взаимные обязательства на деле были малоэффективны, поскольку в отличие от франко-русского договора 1891 г. этот договор не сопровождался какими-либо военными соглашениями. Лаваль во время своего визита в Москву 13 — 15 мая 1935 г. уклонился от ответа на прямо поставленный ему Сталиным по этому поводу вопрос. В свою очередь Сталин предложил французским коммунистам голосовать за военные кредиты и публично высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности. Это заявление способствовало крутому повороту во внутренней политике Французской компартии и привело к образованию двумя месяцами позже альянса коммунистов с социалистами и радикалами, явившегося необходимым условием победы на выборах в следующем году Народного фронта.

На первый взгляд торжественное провозглашение новой стратегии «общего фронта», призванного преградить дорогу фашизму, было основной целью VII (и последнего) конгресса Коминтерна. На самом же деле объединенные в «лавочке», как презрительно называл Коминтерн Сталин, компартии, собранные под предлогом необходимости усиления «антифашистской и антикапиталистической борьбы», получали наставления, как «бороться за мир и безопасность Советского Союза». Несмотря на кардинальное изменение отношения к «социал-фашизму», VII конгресс довел до логического завершения те установки, которые были утверждены на предыдущем конгрессе. С этих позиций СССР представлял как «двигатель мировой пролетарской революции», «база всеобщего движения угнетенных классов, очаг мировой революции, важнейший фактор всемирной истории». Полное подчинение деятельности национальных компартий политике Советского Союза было подтверждено всеми делегатами конгресса. «В каждой стране, — заявил генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров, — борьба за мир и безопасность Советского Союза может протекать в той или иной форме». Французские коммунисты, например, должны были голосовать за военные кредиты, а другие компартии, наоборот, — усилить борьбу против «милитаризации молодежи». Одна из задач конгресса заключалась в том, чтобы для каждого конкретного случая уточнить тактику, которой необходимо было следовать, чтобы избежать любых — «правых» или «левых» — уклонов. Само собой разумеется, что тактика «общего фронта» не означала ни установления компартиями контактов с «троцкистскими элементами», ни поддержки так называемым «больным демократиям». И уж конечно, компартии не должны были сглаживать «остроту межимпериалистических противоречий», которая (как с удовлетворением констатировали все делегаты) препятствовала формированию единого антисоветского блока.

К началу 1936 г. договор с Францией оставался основным козырем советской дипломатии в борьбе против опасности единого фронта капиталистических государств. Однако ратификация этого договора задерживалась и состоялась лишь 28 февраля 1936 г., через девять месяцев после подписания. Такая медлительность свидетельствовала о развитии среди части представителей правящих кругов и широкой общественности Франции сильного антибольшевистского течения, еще более усилившегося после победы Народного фронта. «Протягивая руку Москве, — заявил маршал Петен, — мы протянули ее коммунизму... Мы позволили коммунизму стать в ряд приемлемых доктрин, и нам, по всей вероятности, скоро представится случай об этом пожалеть». Окончательно это течение утвердилось после того, как Французская компартия отказалась участвовать в правительстве, руководимом Леоном Блюмом, а страну захлестнула волна забастовочного движения.

Ратификация советско-французского договора послужила предлогом для ремилитаризации Рейнской области. 7 марта 1936 г. Гитлер заявил: «На постоянные многочисленные заверения Германии в дружбе и миролюбии Франция ответила альянсом с Советским Союзом, направленным исключительно против Германии, являющимся

прямым нарушением соглашений по Рейнской области и открывающим ворота Европы большевизму».

Ремилитаризация Рейнской области, на которую Франция и Великобритания ответили лишь устным протестом, сильно изменила военно-политическую ситуацию в Европе. Военные гарантии, предоставленные Францией ее восточным союзникам, становились невыполнимыми: в случае войны с Германией, которая оказалась теперь надежно защищенной рейнскими укреплениями, французская армия была не способна более быстро прийти на помощь какой-либо стране Центральной и Восточной Европы. Положение усугублялось отказом Польши пропускать через свою территорию иностранные войска. Эта новая политическая реальность, когда западные демократии и Лига Наций оказались бессильны противостоять грубой силе, такой, например, как ремилитаризация Рейнской области или агрессия Италии в Эфиопии, а Версальский договор терял свою силу, — эта реальность наглядно продемонстрировала советским руководителям всю хрупкость европейского равновесия и необходимость сохранения в интересах собственной безопасности полной свободы рук.